

Лицо императрицы изменилось, и в зале воцарилась напряженная тишина.

В этот момент Цзин Юй, стоявшая рядом с императрицей, вовремя вышла вперед. Поклонившись Цзиньшань, она почтительно произнесла:

— Должно быть, в последнее время у Вашего Величества слишком много забот, и мы, слуги, не смогли должным образом позаботиться о Вас, чем вызвали беспокойство у Вашего Высочества. Просим наказать нас.

Жуи также поспешно и ловко подхватила:

— Именно так, это мы не доглядели за императрицей. Просим Ваше Высочество наказать нас.

Цзиньшань прекрасно понимала, в чем причина, но императрица дорожила своей репутацией, поэтому слугам и приходилось говорить подобным образом. Императрица Хэ всегда была властной женщиной, еще до того, как вошла во дворец.

Цзиньшань внезапно осознала, что, кажется, сболтнула лишнего. Прикусив губу, она мягко улыбнулась императрице Хэ:

— Это всё вина дочери. Мое слабое здоровье не позволяет мне ежедневно быть рядом и прислуживать Вам. Матушка, простите меня за невольную грубость.

С этими словами Цзиньшань поднялась с кресла и, подавшись вперед, отвесила поклон.

— О чем ты говоришь? Скорее садись, Юнъань, — лицо императрицы Хэ вновь стало спокойным, а этот жест дочери вызвал у нее одновременно и умиление, и горечь.

После этого мать и дочь еще немного поболтали, пока служанка не доложила, что обед готов.

— Накрывайте, — распорядилась императрица Хэ, и Жуи тотчас же отправилась распорядиться.

Вскоре перед глазами Цзиньшань вытянулась длинная, словно дракон, вереница из десятков маленьких служанок, несущих блюда. Будучи супругой правителя и первой дамой государства, императрица соблюдала куда больше формальностей, чем сама Цзиньшань в Юнъаньском дворце, поэтому, увидев подобный размах, та не могла не восхититься про себя.

По этикету императрица должна была сесть первой, а затем позволить сесть принцессе. Однако, видя, как сильно императрица Хэ любит дочь, она пренебрегла сложными правилами, поднялась, взяла Цзиньшань за руку и повела ее к большому круглому столу из сандалового дерева за ширмой. Что касается нянюшки Цзо, пришедшей вместе с принцессой, то ее служанки проводили в боковой зал.

Когда они заняли свои места, императрица Хэ лично принялась накладывать еду в чашу дочери. Среди блюд были те, что принцесса Юньань любила, например, утка с золотистой корочкой. Цзиньшань терпеть не могла этот вкус, да и в прошлой жизни не жаловала утятину. Но, чтобы не выдать себя, она, преодолевая отвращение, проглотила кусочек.

В итоге, из-за странного привкуса во рту ее едва не стошнило. Испугавшись, она поспешно проглотила мясо. Однако она все же поперхнулась и зашлась в кашле. Стоявшая рядом служанка побледнела от страха и тут же протянула чашу с водой.

Императрица Хэ отложила палочки, с тревогой посмотрела на дочь и приказала Жуи:

— Сходи, помоги принцессе похлопать по спине.

Сделав глоток чая и почувствовав, как Жуи мягко растирает ей спину, Цзиньшань наконец пришла в себя. В конце Жуи протянула ей платок:

— Ваше Высочество, вытрите, пожалуйста.

Цзиньшань ответила — о, — и по привычке чуть было не добавила спасибо. К счастью, она вовремя спохватилась и буквально проглотила это слово, как только что проглотила кусок ненавистной утки. Подавив неприятные ощущения, она вытерла уголки губ платком.

После обеда Цзиньшань собиралась уходить вместе с нянюшкой Цзо, но, поднимаясь, заметила на лице императрицы Хэ тоску. Поразмыслив, она изменила свое решение.

Императрице показалось, что ее дочь, уже готовая к уходу, вдруг схватилась за грудь и покачнулась, будто теряя равновесие. На самом деле Цзиньшань хотела схватиться за живот, но побоялась напугать императрицу, решившую бы, что еда была отравлена — в памяти всплывали случаи, когда подобное случалось во дворце. Цзиньшань не смела шутить с такими вещами. Она лишь прижала руку к груди и слегка оперлась на нянюшку Цзо, прибежавшую из бокового зала.

Весь дворец пришел в смятение. Цзиньшань перенесли на кровать в опочивальню. В нос ударил тонкий, суховатый аромат. Подняв глаза, она увидела висевший над головой фиолетовый шелковый мешочек с благовониями — это был аромат алойного дерева, любимый запах императрицы Хэ.

Вскоре прибыл придворный лекарь и через тонкую занавесь принялся проверять пульс Цзиньшань. Спустя долгое время главный врач почтительно поклонился императрице. Цзиньшань лежала с закрытыми глазами и слышала встревоженный голос матери:

— Ну как, лекарь Чжу? Что с Юньань?

Лекарь Чжу ответил:

— Прошу Ваше Величество не волноваться. Принцесса здорова, и, по моим наблюдениям, ничего серьезного нет.

Помолчав, он добавил:

— Просто организм Вашего Высочества всегда был слаб и до сих пор не восстановился, поэтому подобные недомогания — дело обычное.

Когда лекари удалились, императрица Хэ отодвинула занавесь и села рядом с Цзиньшань. Та медленно открыла глаза, делая вид, что обессилена.

— Матушка.

Цзиньшань тихо позвала ее и вдруг почувствовала, как императрица коснулась ее запястья. Цзиньшань вздрогнула, хотела отдернуть руку, но императрица уже отпустила ее. Взгляд матери был спокойным и пронизательным.

Цзиньшань тут же вспомнила: отец императрицы Хэ, ее покойный дед, был известным ученым. Он был сведущ не только в истории и философии, но и в военном деле, буддизме, конфуцианстве и медицине. Императрица с юности училась у него, и хотя ее нельзя было назвать мастером, распознать эту маленькую хитрость дочери для нее не составило труда.

— Матушка, дочь... — Цзиньшань замялась, не зная, что сказать.

Императрица Хэ некоторое время изучала лицо дочери, вздохнула, протянула руку и коснулась ее лба:

— Я всё понимаю, дитя мое.

Цзиньшань еще даже ничего не успела сказать, а мать уже поняла? Она с жалобным видом посмотрела на императрицу:

— Матушка, позвольте мне сегодня остаться во дворце и побыть с Вами.

— ...Моя Юнъань. — Императрица Хэ смотрела на нее с такой глубокой нежностью, что в ее глазах блеснули слезы.

Увидев их, Цзиньшань поспешно достала платок и потянулась вытереть их матери. Жуи, стоявшая неподалеку, видела эту трогательную картину материнской любви и дочерней почтительности и сама не удержалась от слез. Вскоре она тихо вышла к дверям зала и поманила стоявшего там евнуха.

— Госпожа Жуи? — евнух поспешно подбежал к ней.

Жуи прошептала ему на ухо указания, а в конце спросила:

— Ну что, запомнил?

Евнух кивнул:

— Запомнил, госпожа, не беспокойтесь, я всё сделаю.

<http://bllate.org/book/19590/1921563>